

рии, которая все еще мыслилась существующей, получит те же небесные и земные выгоды, как и тот, кто отправится «во святую землю». Проповедь велась во Франции, Кастилии, Арагоне, Польше и других странах, но папский призыв не нашел отклика¹⁹.

Балдуин, со своей стороны, вместе с одним из венецианских послов, Марко Джустиниани, из Витербо отправился во Францию, но помощь Людовика IX не пошла дальше выкупа сына Балдуина Филиппа, «заложненного» отцом в Венеции у банкирского дома Ферро²⁰. Столь же безуспешными были переговоры и при дворе кастильского короля Альфонса X. Охладел к делу борьбы против «схизматиков» и сам папа Урбан IV, так как он был теперь целиком поглощен передачей сицилийской короны брату французского короля.

Таким образом, ни Балдуин, ни венецианские послы не «могли добиться от папы ничего кроме слов»²¹. Райнерио Цено, дож венецианский, не без основания в 1264 г. писал папе: «В настоящее время, когда названная империя (Латинская империя. — Н. С.) находится в столь стесненном положении, дож и Венецианская коммуна одни только... заботятся об ее укреплении и защите...»²².

Все это должно было подготовить венецианских политиков к мысли о соглашении с Михаилом Палеологом, к попытке решить интересовавшую их задачу мирным путем.

Византийский император со своей стороны имел достаточно оснований к тому, чтобы искать сближения с Венецией. Правда, военные успехи Михаила Палеолога с занятием Константинополя не кончились: Никифор Григора и Пахимер сообщают, что царский флот и войска овладели многими островами Эгейды, на Эвбее захватили Ореос и Каристос, на Пелопоннесе расширили владения в районе Монемвасии и овладели Спартой²³. Михаил Палеолог не мог, однако, не понимать того, что Венеция после константинопольской неудачи не перестала быть крупной политической силой и мощною морской державой с важными экономическими и политическими интересами в районе Восточного Средиземноморья. Генуя — это в 60-х годах стало очевидным — не могла сломить морского могущества своего торгового соперника, и война между ними постепенно затухала. С другой стороны, Михаил Палеолог не мог быть уверенным в том, что папская проповедь крестового похода на Константинополь не увенчается в конце концов успехом и он не увидит под стенами столицы новых крестовых банд, доставленных на Босфор венецианским флотом. К тому же генуэзцы оказались плохими союзниками: в 1264 г. выяснилось, что генуэзский подеста в Константинополе, Гилельмо Гверчио, вступил в сношения с Манфредом и стоявшим позади него Балдуином, обещая содействовать им в захвате Константинополя²⁴. Михаил Палеолог, как сообщает в своей «Хронике» А. Дандоло, «убедившись в том, что из вражды к венецианцам и благосклонности к генуэзцам он не извлек ничего хорошего», направил одного из венецианцев, оказавшегося в Константинополе, — его звали Энрико Тревизано — позондировать на лагунах почву

¹⁹ FRA DA, vol. XIV, p. 57.

²⁰ Marino Sanudo Torsello. Istoria del Regno di Romania, ed. K. Hopf. Chroniques greco-romanes inédites ou peu connues. Berlin, 1873, p. 115.

²¹ A. Danduli. Chronicon, col. 369.

²² FRA DA, vol. XVI, p. 56.

²³ Georgius Pachymeres. De Michaele et Andronico Paleologis. PG, t. 143. col. 616—617. Nicephorus Gregoras. Byzantina Historia, col. 232.

²⁴ См. E. Dade. Versuche zur Wiedeherrichtung der lateinischen Herrschaft in Konstantinopel. Würzburg, 1937, S. 16.